

Желдыбина Т.А.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ: ПРИЕМЛЕМОСТЬ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ПРАВА В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ

Аннотация: Проблема судебного правотворчества является одной из актуальных проблем для современной юридической науки. Предметом исследования являются судебная практика и судебный прецедент как возможные, приемлемые и полноценные источники российского права. Разработка обозначенной проблемы связана с повышением качества законодательства. Цель статьи заключается в разработке теоретических положений, содержащих обоснование значимости официального признания судебной практики и судебного прецедента в качестве источников права в условиях продвижения судебной реформы и проведения работы по гармонизации законодательства. Методологической основой исследования является диалектический метод познания, а также формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, логический, системный методы. Научная новизна статьи состоит в том, что в ней впервые подробно исследован комплекс вопросов, касающихся включения судебной практики и судебного прецедента в число источников права в свете модернизации российского законодательства. Разработаны теоретические положения и практические рекомендации, позволяющие развивать доктрину судебной практики и судебного прецедента в России.

Ключевые слова: Судебная практика, судебный прецедент, преюдиция, законодательство, источники права, интернационализация законодательства, глобализация права, судебная власть, правоприменение, судебные правовые положения.

Abstract: The problem of judicial lawmaking is one of the relevant for the modern legal science. The subject of this research is judicial practice and legal precedent as the possible, acceptable, and valid sources of Russian law. The goal of this work consists in development of the theoretical positions, which contain substantiation of the importance of the official recognition of judicial practice and legal precedent as the sources of law in the conditions of promotion of the judicial reform along with the work on harmonization of legislation. The scientific novelty lies in the fact that this article is first to examine a complex of questions pertaining to inclusion of the judicial practice and legal precedent into the ranks of the sources of law in light of modernization of the Russian lawmaking. The author suggests theoretical positions and practical recommendations which allow developing the doctrine of judicial practice and legal precedent in Russia.

Keywords: Internationalization of legislation, Globalization of law, Judicial authority, Law enforcement, Judicial legal provisions, Sources of law, Lawmaking, Prejudice, Legal precedent, Judicial practice.

Проблематика судебной практики и судебного прецедента как источников права, осуществлении судом не только правоприменительной, но и правотворческой функции не теряют своей значимости для юриспруденции и в последнее время становится все более актуальной в свете изменений, происходящих в системе российского законодательства.

Свидетельством тому являются научные исследования В.И. Анишиной, С.Ю. Бодрова, Н.Д. Железновой, О.Н. Коростелкиной, Е.Н. Красиной, А.Ю. Мкртумяна, М.Н. Придворовой, В.Ю. Соловьева, Д.С. Тихоновецкого и других ученых.

На сегодняшний день происходящие во всем мире процессы глобализации внесли изменения и в юридическую науку, что позволяет говорить о глобализации права, связанную, в первую очередь с интернационализацией законодательства, сближением законодательств государств как ближнего, так и дальнего зарубежья.

Российская правовая система сегодня приближена (на наш взгляд приближена, а не относится) к романо-германской правовой семье. Закон в нашей стране, безусловно является основным регулятором наиболее важных общественных отношений, но несо-

вершенство современного российского законодательства приводит к логичному выводу о необходимости поисков альтернатив в тех случаях, когда законодатель «молчит». Снижение качества нормативного материала, кардинальность обновления и необходимость упорядочивания законодательства объясняет активность судов, необходимость повышения роли нормотворческой функции судейского корпуса.

Возникает следующее противоречие: свободное судебное правотворчество, которое могло бы следовать за динамикой общественной жизни, отвергается, правотворчество в форме законодательства рискует быть неэффективным, при известных условиях – реакционным, в конечном счете несправедливым¹. В этой связи небезынтересным представляется мнение сторонника применения судебного прецедента в России А.Н. Верещагина, отмечающего, что законодатель не должен предусматривать все конкретные варианты, которые может принять развитие событий. Он может установить более или менее широкие рамки, в пределах которых допустимы варианты, им прямо не предусмотренные. Легитимность их оценивается не по тому, приходили ли они на ум законодателю (который является фигурой собирательной, а не конкретным лицом с одним умом и единой волей), а по тому, соответствует ли данная интерпретация общей цели законодательства и не противоречит ли она букве закона².

Развитие судебного нормотворчества в нашей стране связано, в первую очередь, с конституционным закреплением принципа разделения властей. Ознакомление с работами многими уважаемых авторов приводит к наблюдению о нередком смешении понятий судебная практика и судебный прецедент, а также «затеоретизированности» данной проблемы без нахождения ключей к ее решению.

Существуют различные точки зрения относительно понятийного аппарата в рамках обозначенной проблемы. Так, В.Э. Брежнев указывает на подмену понятий судебной практики и судебного прецедента, полагая, что судебная практика, которую многие считают судебным прецедентом, на самом деле является легальным толкованием закона³. Однако, верно толкуя

закон, судьи развивают и конкретизируют существующие нормы, создавая новые правоположения, обогащая юридическую науку и практику.

А.Э. Баласанян справедливо указывает на необходимость различения судебного прецедента, судебной практики от обычаев делового оборота. Обычай как источник права формируется снизу, из практики реальных правоотношений, остальные источники права возникают сверху, по воле государства⁴.

Другой автор, В.В. Джюра говорит о важности разграничения понятий преюдиция и прецедент, обосновывая свою позицию тем, что преюдиция только устанавливает факт, который не подлежит доказыванию по другому делу, а прецедент создает новые нормы, правила поведения, которые имеют существенные значения для других судов при рассмотрении аналогичных дел⁵. Таким образом, преюдиция или преюдициальность означает своего рода предрешение, обязательность для всех судов принять без проверки и доказательств факты, которые были установлены вступившим в законную силу судебным решением или приговором по другому делу.

Остановимся на правовой природе судебной практики и судебного прецедента.

Итак, судебная практика представляет собой один из видов юридической практики. В целом, если рассматривать формирование судебной практики в исторической ретроспективе, процесс этот начался с периода формирования древнерусского государства и продолжался на протяжении долгого времени. Накоплению судебной практики способствовала реформаторская деятельность Александра II, в первую очередь проведенная судебная реформа.

Следует отметить, что в XIX веке отсутствовала ясная дефиниция закона (приравнивавшемуся к законодательному порядку) и вопрос об источниках права продолжал оставаться дискуссионным. В абсолютистском государстве все усилия ученых-юристов установить какие-либо определенные признаки понятия «закон», дать ему определение и отграничить его от других юридических актов часто оказывались безрезультатными. К концу XIX века стала формироваться судебная практика как основа правового регулирования, постепенно занявшее промежуточное положение между законом и обычаем. Известный дореволюционный цивилист Кронид Малышев отмечал, что «обычай

¹ См.: *Фетищев Д.* Судебная практика как источник права // Научно-аналитический журнал *Обозреватель – Observer*. 2008. № 5. С. 124

² См.: *Верещагин А.Н.* Рывок к прецеденту: о постановлении КС РФ от 21.01.2010 № 1-П // <http://www.arbitr.ru> (дата обращения – 01.08.2014)

³ См.: *Брежнев В.Э.* Судебный прецедент в России: полемика и предложения // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. Вып. 9. С. 252

⁴ См.: *Баласанян А.П.* Соотношение обычая делового оборота с судебным прецедентом и судебной практикой // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2006. № 3(31). С. 153

⁵ См.: *Джюра В.В.* О судебном прецеденте в Российской Федерации // *Сибирский юридический вестник*. 2005. № 2. С. 16

принимается в уважение, когда одобрен и утвержден в суде»⁶.

В советский период господствовал нормативистский подход к пониманию права и возможность судебного правотворчества отрицалась, хотя обязательность правоположений практики высших судебных органов в науке права обосновывалась. В постсоветский период легистское понимание «право = закон» постепенно стало видоизменяться, закон перестал быть единственным выражением и отождествлением права, стала складываться тенденция к разграничению права и закона. И если для западноевропейских стран (в первую очередь, где господствует англо-саксонская система права) судебное правотворчество рассматривалось как вполне естественное правовое явление, для постсоветской России обсуждение вопроса о применимости и приемлемости судебной практики и особенно судебного прецедента вызвал оживленные дискуссии. Тем не менее, в Российской Федерации, на основе судебной практики в отдельные нормативно-правовые акты были внесены изменения и приняты новые федеральные законы, появились определенные правовые основания для рассмотрения актов судебных органов в качестве источников права. Так, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации косвенно закрепляет нормотворческую функцию судов, говоря, что судебные акты арбитражных судов, вступившие в законную силу в порядке надзора могут быть отменены в случае нарушения единообразия в толковании и применении арбитражными судами норм права⁷. Заметим, что нередко суд ориентируется на сложившуюся судебную практику по рассматриваемому вопросу, а при вынесении решения или приговора ссылается на правовую позицию высших судов, изложенную в постановлениях судов и информационных письмах.

Высказывается точка зрения о том, что правоположения судебной практики являются нетипичным источником российского права. Аргументация данного тезиса следующая:

правоположения судебной практики имеют формальный характер и связаны с реализацией властных полномочий судов;

правоположения имеют процессуальный характер, так как выражены в актах судебной власти, являющейся юридически значимой деятельностью;

правоположения имеют поднормативный характер в силу создания их в результате судебной деятельности и их предписания служат прообразом юридических норм;

правоположения несут строго определенные юридические последствия; носят субсидиарный (дополнительный) характер, выполняя дополнительную, вспомогательную роль в правовом регулировании общественных отношений⁸.

Приверженцы точки зрения на судебную практику как источник права считают, что правоположения, издаваемые в результате правотворческой деятельности судей, вносят изменения в систему действующего законодательства. С этой точкой зрения нельзя не согласиться. В современных условиях хаотично развивающегося законотворческого процесса, когда количество принимаемых поправок в законы превышает количество самих законов, судебная практика как субсидиарный источник права вполне приемлема. Отметим, что противники признания судебной практики источником российского права аргументируют свою позицию тем, что данные акты носят правоприменительный характер.

Е.П. Войтович, исследуя судебную практику как способ обратного воздействия на парламентское нормотворчество в сфере гражданского права, приходит к выводу о том, что правоприменительная практика федеральных судов общей юрисдикции ниже Верховного Суда РФ (Верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, автономных областей и автономных округов, районных судов, военных и специализированных судов) является важным каналом влияния на законотворческую деятельность Федерального Собрания. Данная практика не создает правоприменительных положений, но тем не менее накапливает информацию по тем или иным вопросам применения гражданского законодательства⁹. Разделяя указанную точку зрения, добавим, что такая практика является важным инструментом в деле совершенствования современного нормотворческого процесса, учитывая, что принципы российского законодательства запрещают суду делать выводы и вносить нормативные изменения в право, которые бы противоречили Конституции и подзаконным нормативно-правовым актам.

⁶ Мальшев Кр. Курс общего гражданского права России. Т. 1. СПб., 1880. С. 24

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации № 95-ФЗ от 24.07.2002 г. (ред. от 02.11.2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2014 г.)

⁸ См.: Смирнова М.Г. Правоположения судебной практики как нетипичный источник права // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1. С. 56-57

⁹ См.: Войтович Е.П. Судебная практика в механизме гражданско-правового регулирования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 15

Переходя к прецеденту (что в переводе с латинского означает «предшествующий») отметим, что прецедентное право сформировалось в Древнем Риме и носило название «преторское право», основными формами которого были преторские эдикты. Своеобразие их заключалось в том, что имея фактическую юридическую силу закона, они исходили от органа, не обладавшего законотворческими прерогативами, а от судебных, точнее административных и судебных органов. Преторское прецедентное право создавалось и развивалось не в процессе правотворческой деятельности, а в процессе правоприменения, формируясь на базе конкретных казусов, исков отдельных гражданских дел. Особенность его заключалась и в том, что составляющие его нормы не противоречили существующему законодательству, актам гражданского права, а лишь заполняли старые формы гражданского права новым юридическим и материальным содержанием. Кроме того, особенностью преторского прецедентного права было то, что оно обеспечивалось и защищалось лишь властью самого претора. Преторское право формировалось на основе преторских актов и судебных решений, создающих прецеденты не только в сфере процессуального, но и материального права¹⁰.

Под судебным прецедентом сегодня понимается решение высшего суда, принимаемое по конкретному делу, имеющее общеобязательный характер и применяемый при рассмотрении аналогичных дел. Но важно отметить, что судебный прецедент становится источником права в том случае, если в решении суда по какому-либо конкретному делу формулируется новая норма права.

Наиболее полное развитие судебный прецедент нашел в пределах англосаксонского, а именно – английского права. Здесь он окончательно сформировался как источник права в классическом виде. Традиционно считается, что в странах англосаксонской правовой системы ведущую роль среди принимаемых судами решений играет юридический прецедент, в романо-германской системе права особое место отводится судебной практике.

М.Н. Марченко указывает на особенности прецедентов в правовых системах, относящихся к романо-германскому праву:

1) в большинстве стран романо-германского права прецедент как источник права формально не признается, но фактически используется. Это относится не только к большинству стран Западной Европы, но и к правовым системам стран Азии, Африки и Латинской

Америки, построенным и формулирующимся на основе постулатов романо-германского права;

2) в некоторых странах романо-германского права проявляются крайности формально-юридического порядка в отношении к прецедентной форме права. То есть если в законодательстве одних стран прецедент как форма права прямо признается, то в законодательстве других стран романо-германского права он столь же прямо запрещается¹¹.

Применительно к российской правовой системе прецедент отрицается почти безоговорочно большинством отечественных и зарубежных исследователей, которые не находят для него ни теоретических, ни практических оснований, ни правовых оснований¹².

На наш взгляд, такой сложившийся подход во многом объясним нежеланием отказываться от традиций, свойственных российской системе права и законодательства. Критики судебного прецедента как российского источника права обосновывают свои позиции тем, что постановления пленумов высших судов – не акты легального нормативного толкования права (а только доктринального толкования), не содержат новых норм, а толкуют только существующие нормы и источниками права не являются. Судебный прецедент не способствует объективному рассмотрению обстоятельству по делу.

В Российской Федерации судебный прецедент не является официальным источником права и действующим российским законодательством не регулируется, хотя специалисты (как теоретики, так и практики) согласятся с тем, что прецедентное право все больше проникает в российскую юридическую науку. В итоге в России, как и во многих странах (Германия, Швеция и др.) прецедент законодательно не признан, но неофициально существует.

М.В. Баглай считает вопрос о судебном прецеденте чисто теоретическим, поскольку в Российской Федерации действует не англо-американская, а европейско-континентальная система права, в основе которой лежит статутное право, а не судебный прецедент. Нет никаких оснований для введения прецедентного права ни в обычаях, ни в судебной практике, потому что твердо установлен принцип независимости судьи в процессе. Судья в каждом конкретном случае обязан самостоятельно определять, на что ему опираться при принятии решения и должен руководствоваться законом. Но есть один аспект прецедентного права, кото-

¹⁰ См.: Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 171-180

¹¹ См.: Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 105

¹² См.: Лазарев В.В. Нормативная природа судебного прецедента // Журнал российского права. 2012. № 4. С.92

рый касается и российского законодательства. Он непосредственно связан с деятельностью Европейского суда по правам человека. Во всех европейских странах так или иначе опираются на прецеденты Европейского суда. Для нас они также являются источником права, мы читаем эти старые архивные книги и принимаем на вооружение некоторые решения, многие из которых были сформулированы очень давно¹³.

Кардинально меняется общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в стране, в результате расширения международного сотрудничества ярко проявляется сближения норм международного и внутригосударственного права. По мнению Е.Н. Красиной, международный судебный прецедент в виде решений Европейского суда по правам человека является частью правовой системы Российской Федерации и оказывает значительное влияние на ее модернизацию¹⁴.

В продолжение отметим, что решения Европейского суда по правам человека действительно носят прецедентный характер. Юрисдикцию этого суда признала Российская Федерация. Поэтому думается, что в условиях стремительного развивающегося наднационального законодательства факт постепенного вхождения судебного прецедента в систему российских источников права неизбежен.

Российская доктрина судебного прецедента складывается в процессе формирования правоприменительной практики. Так, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в отношении иска департамента лесного хозяйства Ростовской области по отношению к филиалу ОАО «МРСК Юга» – «Ростовэнерго» выносил вердикт, подтвердив правильность позиции ОАО «МРСК Юга», основанной на том, что оформление прав собственности земельными, в том числе лесными участками, расположенными в охранной зоне линий электропередачи, не требуется. Таким образом, ОАО «МРСК Юга» создало судебный прецедент для решения проблем электросетевого комплекса России¹⁵.

По мнению Т.Н. Нешатаевой, применение закона или права по аналогии, допускаемое и советским, и российским законодательством, можно рассматривать

как элемент прецедентного регулирования (западная доктрина рассматривает аналогию как разновидность прецедентного регулирования)¹⁶.

Сторонники признания судебного прецедента в качестве источника права говорят о целесообразности на официальном уровне, законодательно признать судебное правотворчество за высшими судебными органами, в частности, за Конституционным Судом РФ, в качестве одного из необходимых способов формирования правовых норм, на основе которых будут разрешаться не только разово-конкретные, но и другие аналогичные дела. В дальнейшем очевидно придание прецедентного статуса актам не только высших судов, но и судов нижестоящих¹⁷.

Признанный апологет юридической науки В.Д. Зорькин признает за решениями Конституционного Суда прецедентный характер, отмечая, что поскольку Конституционный Суд обладает самостоятельной правотворческой функцией, его решения приобретают прецедентный характер и становятся источниками права. Это закономерно для стран, проводящих радикальные социальные, экономические и политические реформы. Нормативное регулирование в таких странах находится в постоянном противоречивом развитии: то отстает от проводимых реформ, то опережает их, что вызывает потребность в конституционализации отраслевого и регионального законодательства. Особенно наглядно прецедентный характер решений Конституционного Суда проявляется при разрешении правовых коллизий, возникающих в связи с фактами противоречия национального законодательства международному, регионального – общенациональному, отраслевого – конституционному¹⁸. Схожей точки зрения придерживается и С.Ю. Бодров, говоря о прецедентном характере судебных актов, содержащих нормативные положения. По его мнению, одни (например, решения Конституционного Суда РФ, излагающие правовые позиции) по своей природе и по способу формирования очень близки прецеденту, сходство других заключается лишь в способности суда создавать своими действиями

¹³ Интернет-конференция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации Баглая Марата Викторовича «К 10-летию Конституции Российской Федерации: защита конституционных прав и свобод граждан» 29 января 2003 года // <http://garweb.ru> (дата обращения – 30.07.2014)

¹⁴ См.: *Красина Е.Н.* Международный судебный прецедент как элемент модернизации правовой системы России // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 1(20). С. 27

¹⁵ См.: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения – 01.08.2014)

¹⁶ См.: *Нешатаева Т.Н.* К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 5 (90). С. 107

¹⁷ *Усанов В.Е.* Судебный прецедент: проблемы конвергенции в российскую правовую систему // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2(7). С. 23

¹⁸ См.: *Зорькин В.Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4

нормы права. Во втором случае прецедентный характер акта выражается в обязанности применения судами норм, зафиксированных в таком акте. Сложившаяся ситуация в сфере нормотворческой деятельности российских судов настоятельно требует необходимой законодательной регламентации. Отсутствие таковой в настоящий момент не отвечает потребностям развития общества и препятствует становлению правового государства¹⁹.

В научной литературе отмечается, что некоторые проявления судебного прецедента могут носить разные формы. Исходя из этого понимания, выделяют следующие формы проявления судебного прецедента: в форме акта правоприменения, интерпретационного акта, акта преюдиции, правового обычая, правовой позиции суда, нормативного правового акта²⁰.

А. Иванов, сторонник широкого применения прецедента в судебной практике, предлагает развевать мифы о роли судебного прецедента в нашей стране и мире.

Миф первый. Россия не является страной прецедентного права. Оно характерно лишь для англосаксонских стран. Этот тезис не соответствует действительности. Обязанность судов следовать прецедентам не установлена в Англии и США никаким законом или конституцией – это лишь обычай, который воспринимается всеми как нечто само собой разумеющееся. В России единственная разница с англосаксонскими странами – там некоторые отрасли права (главным образом, гражданского) изначально регулируются в основном прецедентами. В России же закон всегда первичен, а все прецеденты являются именно «прецедентами толкования».

Миф второй. В России пытаются ввести прецедентное право. В действительности оно и так существовало, существует и будет существовать. Прецеденты зародились в судебно-административной практике Московской Руси, вводить прецеденты не нужно, нужно упорядочить их употребление.

Миф третий. Можно обойтись без прецедентов. По мнению академика Ю. Толстого, достаточно традиционных разъяснений законодательства пленумами высших судов. В реальности судебные прецеденты существовали в СССР, публиковалась лишь ничтожная часть судебных решений, но адвокаты на них ссылались, а судьи реально им следовали, даже если не упоминали их в тексте своего решения.

Миф четвертый. Следование прецеденту несовместимо с независимостью судей и подчинением их только закону. Помимо закона суды обязаны применять множество подзаконных актов, которые этой формулой не охватываются. Если прецедент противоречит закону, то судья вправе мотивированно отказаться применять прецедент – точно так же, как это происходит в случае противоречия между законом и подзаконным актом.

Миф пятый. Судебный прецедент несовместим с разделением властей. Такого вопроса не возникает там, где бесспорно имеются как прецедент, так и разделение властей (Великобритания, США, Канада другие страны)²¹.

Таким образом, вопрос о судебном прецеденте и его применимости в качестве источника российского права в настоящее время является для правовой науки крайне важным. Как нам представляется, данный вопрос значим в первую очередь по причине его неурегулированности в действующем законодательстве, поскольку законодательное закрепление, придание юридической силы позволило бы разрешить спорные вопросы. Согласимся с мнением В.В. Лазарева о том, что «прецедент должен получить нормативное закрепление, причем не обязательно в Конституции РФ, поскольку формулы допущения его могут и должны быть разными в отраслевом законодательстве»²². Но судебный прецедент в случае необходимости его применения должен стать вспомогательным, дополнительным источником права.

Подведя итог, отметим, что и судебная практика, и судебный прецедент являются в настоящее время объективно существующими правовыми явлениями, законодательная регламентация которых необходима. Судебная практика является одним из традиционных российских источников права, более признаваемым правовой наукой в отличие от судебного прецедента. Если рассматривать приемлемость судебного прецедента как источника права, то можно говорить о нем как о более гибком инструменте восполнения пробелов в праве, чем судебная практика. Но степень свободы, предоставленная судебным органам в вопросах толкования, не должна приводить к произволу, субъективизму конкретного судьи, прикрытому «велемием закона». Судебные органы при создании судебного прецедента должны следовать закону – главному источнику права в нашей стране.

¹⁹ См.: Бодров С.Ю. Судебный прецедент в системе источников российского права: вопросы теории и практики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 9

²⁰ См.: Джурова В. В. О судебном прецеденте в Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2005. № 2. С. 8

²¹ А. Иванов. Пять мифов о роли судебного прецедента в нашей стране и мире // <http://www.forbes.ru> (дата обращения: 24.07.2014 г.)

²² Лазарев В.В. Нормативная природа судебного прецедента // Журнал российского права. 2012. № 4. С.99

Библиография:

1. Баласанян А.Р. Соотношение обычая делового оборота с судебным прецедентом и судебной практикой // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3(31).
2. Бодров С.Ю. Судебный прецедент в системе источников российского права: вопросы теории и практики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.
3. Брежнев В. Э. Судебный прецедент в России: полемика и предложения // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 9.
4. Войтович Е.П. Судебная практика в механизме гражданско-правового регулирования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006.
5. Джуря В. В. О судебном прецеденте в Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2005. № 2.
6. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12.
7. Красина Е.Н. Международный судебный прецедент как элемент модернизации правовой системы России // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 1(20).
8. Лазарев В.В. Нормативная природа судебного прецедента // Журнал российского права. 2012. № 4.
9. Малышев Кр. Курс общего гражданского права России. Т.1. СПб., 1880.
10. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
11. Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления // Журнал российского права. 2006. № 6.
12. Нешатаева Т.Н. К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 5 (90).
13. Смирнова М.Г. Правоположения судебной практики как нетипичный источник права // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1.
14. Усанов В.Е. Судебный прецедент: проблемы конвергенции в российскую правовую систему // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2(7).
15. Фетищев Д. Судебная практика как источник права // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2008. № 5.
16. Марков П.В. Условия осуществления судебного усмотрения в странах континентальной и англосаксонской правовой семьи // NB: Вопросы права и политики. — 2012. — № 4. — С.73-107. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.4.318. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_318.html
17. Романова Е.В.. Судебная доктрина как источник (форма) права в налоговом праве США // Налоги и налогообложение. – 2012. – № 11. – С. 104-107.
18. В. А. Оганесян. Решения международных судов по правам человека как особый источник развития и соблюдения принципов уголовного правосудия // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2012. – № 1. – С. 104-107.
19. Н. Ю. Ерпылева. Международные организации и формирование источников международного частного права // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2010. – № 3.
20. Любченко М.Я.. К вопросу о значении постановлений Европейского Суда по правам человека // Право и политика. – 2013. – № 8. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.8.753
21. Р. А. Гурбанов Взаимодействие органов правосудия государств-членов ЕС с органами правосудия Европейского союза // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2011. – 3. – С. 128 – 143.
22. Соколов Т.В. Конституционное судопроизводство – механизм реализации судебной власти?!. // Право и политика. – 2014. – 3. – С. 313 – 325. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.3.11168.
23. С.В. Кодан Формирование источниковедения истории государства и права России (XVIII – первая четверть XIX вв.) // Политика и Общество. – 2013. – 5. – С. 649 – 661. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.14.

References (transliterated):

1. Balasanyan A.R. Sootnoshenie obychaya delovogo oborota s sudebnym pretsedentom i sudebnoi praktikai // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2006. № 3(31).
2. Bodrov S.Yu. Sudebnyi pretsedent v sisteme istochnikov rossiiskogo prava: voprosy teorii i praktiki. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2004.
3. Brezhnev V. E. Sudebnyi pretsedent v Rossii: polemika i predlozheniya // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. 2011. Vyp. 9.
4. Voitovich E.P. Sudebnaya praktika v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2006.
5. Dzhura V. V. O sudebnom pretsedente v Rossiiskoi Federatsii // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2005. № 2.
6. Zor'kin V.D. Pretsedentnyi kharakter reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2004. № 12.
7. Krasina E.N. Mezhdunarodnyi sudebnyi pretsedent kak element modernizatsii pravovoi sistemy Rossii // Uchenye trudy Rossiiskoi Akademii advokatury i notariata. 2011. № 1(20).

8. Lazarev V.V. Normativnaya priroda sudebnogo pretседента // Zhurnal rossiiskogo prava. 2012. № 4.
9. Malyshev Kr. Kurs obshchego grazhdanskogo prava Rossii. T.1. SPb., 1880.
10. Marchenko M.N. Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeiskoe pravo. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008.
11. Marchenko M.N. Sudebnyi pretседент: raznoobrazie ponyatii i mnogoobrazie form proyavleniya // Zhurnal rossiiskogo prava. 2006. № 6.
12. Neshataeva T.N. K voprosu ob istochnikakh prava – sudebnom pretседенте i doktrine // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 2000. № 5 (90).
13. Smirnova M.G. Pravopolozheniya sudebnoi praktiki kak netipichnyi istochnik prava // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2006. № 1.
14. Usanov V.E. Sudebnyi pretседент: problemy konvergentsii v rossiiskuyu pravovuyu sistemu // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2008. № 2(7).
15. Fetishchev D. Sudebnaya praktika kak istochnik prava // Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel'-Observer. 2008. № 5.
16. Markov P.V. Usloviya osushchestvleniya sudebnogo usmotreniya v stranakh kontinental'noi i anglosaksonskoi pravovoi sem'i // NB: Voprosy prava i politiki. — 2012. — № 4. — S.73-107. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.4.318. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_318.html
17. Romanova E.V.. Sudebnaya doktrina kak istochnik (forma) prava v nalogovom prave SShA // Nalogi i nalogooblozhenie. – 2012. – № 11. – S. 104-107.
18. V. A. Oganesyanyan. Resheniya mezhdunarodnykh sudov po pravam cheloveka kak osobyi istochnik razvitiya i soblyudeniya printsipov ugolovnogogo pravosudiya // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2012. – № 1. – S. 104-107.
19. N. Yu. Erpyleva. Mezhdunarodnye organizatsii i formirovanie istochnikov mezhdunarodnogo chastnogo prava // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2010. – № 3.
20. Lyubchenko M.Ya.. K voprosu o znachenii postanovlenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka // Pravo i politika. – 2013. – № 8. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.8.753
21. R. A. Gurbanov Vzaimodeistvie organov pravosudiya gosudarstv-chlenov ES s organami pravosudiya Evropeiskogo soyuza // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2011. – 3. – С. 128 – 143.
22. Sokolov T.V. Konstitutsionnoe sudoproizvodstvo – mekhanizm realizatsii sudebnoi vlasti?! // Pravo i politika. – 2014. – 3. – С. 313 – 325. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.3.11168.
23. S.V. Kodan Formirovanie istochnikovedeniya istorii gosudarstva i prava Rossii (XVIII – pervaya chetvert' XIX vv.) // Politika i Obshchestvo. – 2013. – 5. – С. 649 – 661. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.05.14.